

Выражение лица Оу Цзяхао можно было назвать по-настоящему ярким: оно то бледнело, то краснело — поистине прекрасное зрелище.

Ли Цзиньвэй полюбовалась этим с самых разных ракурсов, подперла рукой подбородок и произнесла:

— Похоже, у вас с Шэншэн совершенно не совпадают взгляды на жизнь. Разойтись в разные стороны — к лучшему.

Перед уходом Оу Цзяхао вдруг крикнул:

— Подождите.

Обернулась Ли Цзиньвэй. На ее лице играла насмешливая улыбка, когда она спросила:

— У генерального директора Оу еще какие-то вопросы? Неужели вы хотите разыграть драму о незабытой любви между призраком и смертным?

Какая же у этой женщины острая язычная бритва! Оу Цзяхао с трудом сдержался и процедил сквозь зубы:

— Когда-то семьи Оу и Ван были союзниками, можно сказать, мы сотрудничали. Здесь сто тысяч, пусть это послужит благодарностью за доверие, которое семья Ван оказала мне в прошлые годы.

Он вытащил черную как смоль банковскую карту и добавил:

— Пин-код — это день рождения Шэншэн.

Ли Цзиньвэй скосила глаза на Ван Шэншэн. Та пристально смотрела на карту и лишь спустя долгое время подняла взгляд:

— Не нужно.

Она чеканила каждое слово:

— Раз уж все документы подписаны и скреплены печатью, с этого момента мы квиты. Наша жалость тебе не нужна, уходи.

Последнее предложение предназначалось Ли Цзиньвэй.

Обе вышли из апартаментов друг за другом. Только тогда Ван Шэншэн тяжело вздохнула, выглядя весьма уставшей:

— Почему раньше я не замечала, что разговоры могут быть такими утомительными?

— Потому что теперь ты разговариваешь с высшими мира сего в статусе низшего сословия, — с улыбкой ответила Ли Цзиньвэй.

Ван Шэншэн подскочила и мгновенно взяла ее в удушающий захват:

— Ты специально, да? Тебе не по себе, если ты не язвишь?

Какая-то весьма выдающаяся часть тела прижалась к спине Ли Цзиньвэй. Искра способна разжечь пламя, и Ли Цзиньвэй хотела лишь побыстрее сбросить эту ношу.

Она заломила ей руки и полушутя-полугрозно прошептала на ухо:

— Сейчас мы на улице, я уступаю тебе семь частей из десяти. Если немедленно не слезешь, я и впрямь пушу в ход кулаки.

— Давай, пусти!

Ли Цзиньвэй наконец поняла, насколько болезненны кровавые уроки старших товарищей: у прямолинейных девушек напрочь отсутствуют личные границы, и они смеют прижиматься к тебе этой самой частью тела, даже когда летняя одежда настолько легкая и тонкая.

Ли Цзиньвэй действительно больше не могла этого терпеть. Никто не осмеливался так прикасаться к ней уже три-четыре года: 80% сотрудников в «Инновационном урагане» составляли мужчины, Туцзы отличалась тихостью и замкнутостью, а Ван Шэншэн была первой, кто без всяких сомнений перла напролом, словно накачавшись адреналином.

Она чувствовала, что если так пойдет и дальше, то от нее скоро ничего не останется.

И раз уж финал неизбежен, лучше заставить Ван Шэншэн усвоить урок прямо сейчас.

Ли Цзиньвэй выровняла корпус, перехватила ее за руку и использовала инерцию для броска. Девушка мгновенно взмыла в воздух, словно тряпичная кукла, и шмякнулась на задницу.

Ван Шэншэн раскинулась на земле звездочкой, подол платья задрался выше колен. С трудом поднявшись, она ткнула в Ли Цзиньвэй пальцем и застыла от шока, потеряв дар речи.

Ли Цзиньвэй приподняла свои раскосые глаза с уголками, устремленными вверх, и посмотрела на нее сверху вниз:

— Я же просила не заставлять меня применять силу. Ты выглядишь сладенькой и милой, но не слушаться — нельзя.

Она что, владеет броском через бедро?! — вопила про себя Ван Шэншэн, но вслух выпалила:

— Ты как посмела меня бросить?!

Ли Цзиньвэй приподняла уголки губ и брови:

— Я тебя предупреждала.

Маленькое платьице испачкалось, а из-за слишком тонкой ткани в нескольких местах пошли затяжки, но хозяйка одежды лишь тупо сидела на земле. Вся боль и шок постепенно сменялись обидой, и когда она снова подняла лицо, ее глаза уже застилала слезы.

— Эй! — у Ли Цзиньвэй не было времени любоваться плачущей красавицей, ее сердце панически замерло. — Ты в порядке? Я же не прикладывала силы...

Ван Шэншэн ревела как дурочка:

— Не прикладывала силы? Ты швырнула меня больше чем на метр, и говоришь, что не прикладывала силы?!

Ли Цзиньвэй не знала, как и оправдаться:

— Да нет же, правда! Я просила тебя уйти, зачем надо было обязательно ко мне прижиматься?

— Я что, и пошутить с тобой не могу? Почему ты такая мелочная?

— ...Дело вовсе не в шутках.

Ли Цзиньвэй, похожая на птицу додо, уперла руки в боки и заходила туда-сюда:

— Я же еще вчера говорила, что мне нравятся женщины, а ты вот так...

Разве это не соблазнение?

Вторую половину фразы она крикнуть не осмелилась, потому что мимо проходило несколько человек, которые всю разглядывали их и о чем-то шептались.

Ван Шэншэн шмыгнула носом и произнесла:

— Ты меня обижаешь.

И в мыслях не было! Да если б она и впрямь обижала, то точно не так, — подумала Ли Цзиньвэй, а вслух лишь нахмурилась:

— Вставай, я не со зла.

— Тогда извинись.

— Ладно, извиняюсь.

— Так извиняйся нормально!

Ли Цзиньвэй помолчала пару секунд, вытащила из кармана сигарету и зажала в зубах:

— Прости, довольна?

Ван Шэншэн все-таки дорожила своей репутацией, поэтому живо вскочила на ноги и заявила:

— Нет.

Рука женщины, державшая сигарету, замерла:

— Чего же ты хочешь?

— Хочу карри из торгового центра «Хуажун».

— ...

Ли Цзиньвэй:

— Проголодалась — так и скажи, к чему эти истерики и капризы?

Ван Шэншэн снова принялась изображать плач:

— Ты ругаешься! У меня так сильно болит рана!

— ...Ладно-ладно, пошли, вызову машину.

Если тянуть дальше, то с ее упрямым характером они могли проспорить у входа в апартаменты с рассвета до заката.

Просто смерть какая-то, — помрачнев лицом, Ли Цзиньвэй закурила. Ощущение было такое, будто ее взяли за самое больное место и теперь от этого не отмыться до конца дней.

Машина быстро остановилась у входа в торговый центр. Ли Цзиньвэй родилась и выросла в Наньчэне, но никогда раньше здесь не бывала. Десятилетиями она пропадала в полузаброшенной деревне на окраине и даже в годы учебы в университете никуда не уезжала.

«Хуажун» был построен относительно недавно, с четырьмя огромными площадями по сторонам света. Погладив массивную статую на краю площади, Ли Цзиньвэй восхищенно произнесла:

— Охренеть.

Место сбора богачей — тут нечего сказать.

На лице Ван Шэншэн все еще блестела пара оставшихся слезинок. Прозрачные, словно

бриллианты, они придавали ее миловидному личику трогательную и хрупкую красоту.

— Я голодна, — жалобно посмотрела она на Ли Цзиньвэй.

Ее круглые большие глаза были совершенно лишены какого-либо скрытого подтекста — она глядела так просто и наивно.

Ли Цзиньвэй уже очень давно не встречала таких глаз. Если вспомнить, последний раз это было в старшей школе, когда ее соседка по парте, девочка по имени Линь Чжиянь...

Позже эта девушка тоже поступила в Нанкинский университет на педагогический факультет и иногда, сталкиваясь в столовой, все так же восторженно здоровалась с ней, словно щенок.

Наверное, люди с такими чистыми, словно драгоценные камни, глазами по своей природе искренни.

Ли Цзиньвэй не смела строить пустых догадок, но по крайней мере сейчас, в эту самую минуту, Ван Шэншэн действительно напоминала выпрашивающего еду щенка.

Ей ужасно захотелось подразнить ее:

— Скажи что-нибудь приятное.

Ван Шэншэн уже занесла руку, чтобы ущипнуть ее, но Ли Цзиньвэй перехватила ее за пальцы и строго предупредила:

— Ничему жизнь не учит? Все еще не наигралась?

— Ты пользуешься своим превосходством! — возмутилась та.

Ли Цзиньвэй развела руками:

— Я тут одна, какое превосходство?

Ван Шэншэн тут же сменила пластинку:

— Ты мне обещала.

— Я уже передумала. Не назовешь — ничего не получишь.

Издавается! Ван Шэншэн даже пожалела, что минуту назад не взяла те сто тысяч.

— И как, по-твоему, я должна тебя назвать? Быстрее давай! Я правда хочу есть!

Ли Цзиньвэй с видом знатока задумалась, и ее горячее дыхание коснулось щеки Ван Шэншэн:

— Назови меня... сестричкой.

Сестричкой...

Ван Шэншэн к своему стыду вспомнила прошлую ночь, когда Ли Цзиньвэй в одном месте была до безумия мягкой, заставляя ее на мгновение терять рассудок.

У нее даже возникли совсем другие ассоциации — те самые, когда ее прижали к стене.

— Ты уже всё обдумала? — лицо Ли Цзиньвэй приблизилось вплотную. Она же сама утверждала, что ей нравятся девушки, поэтому после таких поступков трудно было не заподозрить какой-то скрытый умысел.

Тени от ресниц легли на ее глаза, расплываясь подобно туши.

Ван Шэншэн судорожно втянула воздух и тихонько произнесла:

— Сестричка.

Очаровательные раскосые глаза моргнули, и Ли Цзиньвэй тут же отстранилась.

— Ладно, — махнула рукой она. — Веди.

Выражение «сама напросилась» сейчас хотелось выжечь раскаленным железом у себя на сердце. У Ван-то Шэншэн все хорошо, а вот мучиться бедной лесбиянке!

Когда же на улице у женщин с нетрадиционной ориентацией наступит светлый день?! — истошно вопила в глубине души Ли Цзиньвэй, сохраняя при этом абсолютно невозмутимое выражение лица.

После сытного обеда старшая мисс Ван вновь обрела бодрость духа и с сияющим видом заявила, что устроит впервые оказавшейся здесь Ли Цзиньвэй экскурсию.

Что за экскурсия? Повести ее к витринам с пестрыми цветными бриллиантами или в бутики класса люкс, где цены измеряются цифрами, которые не сосчитать на пальцах одной руки?

Ни то, ни другое им было не по карману, и хозяйка Ли решила вовремя пресечь это безумие:

— Денег в твоём кошельке не хватит даже на молнию для сумки, побереги силы.

Ван Шэншэн:

— ...Разве нельзя просто посмотреть?

— Консультанты к тебе даже не подойдут.

— Насмотрелась видео блогеров? Сейчас клиент всегда прав.

— Все равно не по карману, а кто смотрит и не покупает — тот собака сутулая.

— Да пошла ты, Ли Цзиньвэй!

Ван Шэншэн была готова порвать ей рот от злости.

В следующий миг Ли Цзиньвэй шлепнула ее по лбу. Вытянув руку, она зафиксировала девушку на месте — та задрала голову до боли в шее, но сдвинуться с места так и не смогла.

Они препирались посреди холла, словно парочка умственно отсталых детей, пока Ли Цзиньвэй наконец не убрала руку со лба Ван Шэншэн. В этот момент откуда-то сбоку раздался голос:

— Ой, не вторая ли это мисс Ван?

Услышав это, Ван Шэншэн обернулась, и ее улыбка сразу заметно потускнела:

— Это вы, мисс Мэн.

Мэн Чжи была экипирована по последнему слову моды: топ с открытыми плечами, ультракороткая юбка, высокие сапоги и черные капроновые чулки. Изумительный макияж, покачивающиеся в такт шагам кисточки серег — вылитая светская львица.

Разумеется, в хорошем смысле этого слова, ведь Мэн Чжи происходила из семьи торговцев чаем. Ее предки поднялись с нуля, и к ее поколению их позиции уже были непоколебимы.

Вся чайная продукция в Наньчэне поставлялась домом Мэн, не говоря уже о том, что их каналы сбыта простирались по всей стране и даже по всему миру.

Проблема заключалась лишь в одном: Ван Шэншэн с самого детства терпеть не могла эту девицу.

Мэн Чжи была старше ее на год, но вела себя как заправская подражательница. Стоило Ван Шэншэн купить сумочку от Chanel, как на следующий день то же самое можно было увидеть на Мэн Чжи; стоило заказать импортный черный чай, как Мэн Чжи закупала его целыми ящиками.

Короче говоря, они соревновались всю жизнь — и соревнуются по сей день, когда семьи Ван больше нет.

— Какая редкая встреча, — мисс Мэн покрутила локон волос. Впрочем, Ли Цзиньвэй казалось,

что та крутила их вовсе не для красоты: на пальцах девушки сверкали два кольца с бриллиантами размером с голубиное яйцо, слепя окружающим глаза.

— И правда, давно не виделись, — пресно ответила Ван Шэншэн.

— Разве не заглянете внутрь прицениться? — Мэн Чжии словно внезапно что-то вспомнила, прикрыла рот рукой и протянула: — Ой, прости, забываю, что от вашей семьи Ван уже...

Ли Цзиньвэй молча изогнула губы. Неужели это те самые тайные войны богатых семейств? Гостя явно пожаловала с дурными намерениями.

Ван Шэншэн вовсе не собиралась ввязываться в долгие разбирательства. Схватив Ли Цзиньвэй за руку, она хотела уйти.

Но Мэн Чжии вовсе не собиралась упускать столь удобный случай. Она шагнула вперед, преграждая им дорогу, и кокетливо накрутила на палец прядь волос:

— Куда же вы, зайдите, выберите что-нибудь. Понравится — я заплачу.

Она разыгрывала из себя благодетельницу, но кто же не знал ее истинных намерениях? Руку Ли Цзиньвэй внезапно пронзила боль — Ван Шэншэн так сильно сжала ее пальцы.

Ли Цзиньвэй украдкой потрогала ее кулак: он окаменел, утратив свою прежнюю мягкость, точно гордость Ван Шэншэн, которую сейчас не позволялось топтать никому.

Однако все любят зрелища, где поверженных добивают, особенно когда бывшая высокомерная принцесса скатывается до положения простой смертной. Атмосфера мгновенно стала неловкой.

В промежутке между пикировками у Ли Цзиньвэй всколыхнулось множество чувств — столь сложных, что их было невозможно распутать. Ее моральные принципы всю орали: беги скорее, держись от прямолинейных девусток подальше! — в то время как эмоции и желания тихо и неотвратно пускали корни.

Просто... ужас какой-то.

— Ваша оплата нам ни к чему, — Ли Цзиньвэй с ног до головы окинула взглядом Мэн Чжии, уголки ее рта медленно поползли вверх, и она мягко произнесла: — Мы и сами можем купить. Мисс Мэн, не тратьте деньги зря, лучше приберегите их на исправление двойного века.

Она подняла руку, и ее изящные пальцы сделали в воздухе символический жест:

— У вас глаза не совсем симметричные, советую обратиться в хорошую клинику пластической хирургии.

Ван Шэншэн прозрела, широко раскрыв глаза:

— ...Ага! Вот что в тебе изменилось! Оказывается, ты делала блефаропластику!

Мэн Чжи, как и ее отец, обладала тяжелыми нависшими веками. Вообще-то, при гармоничном сочетании с остальными чертами лица это придавало бы ей благородный европейский шарм, но в ее случае маленькие глаза выглядели несколько простовато и непрезентабельно.

Поэтому, ненавидя Ван Шэншэн, она в то же время завидовала ее большим и круглым миндалевидным глазам, которые при взгляде на человека казались такими трогательными и безобидными, что легко завоевывали всеобщее расположение.

Она думала, что под плотным слоем макияжа посторонние ничего не заметят, но Ли Цзиньвэй умудрилась разглядеть это издали.

Мэн Чжи заскжетала зубами так громко, что ее лицо исказилось от злости. Теперь она стала еще больше похожа на Цуйхуа, торгующую тофу у деревенского въезда — вовсе не уродливую и безо всякого презрения к простому народу, но совершенно не вяжущуюся с образом светской львицы.

Назло ей, большие глаза Ван Шэншэн, не отягощенные никаким макияжем, хлопали прямо перед ней — влажные, сияющие, словно глазки у куклы Барби, ничуть не уступающие бриллиантам на ее пальцах.

— У меня-то хватит денег на исправление, а вот есть ли у мисс Ван средства, чтобы пройти по магазинам? Разве ваша подруга только что не говорила, что вы можете себе это позволить?

Улыбка Ван Шэншэн снова исчезла, и не успела она ответить, как Ли Цзиньвэй опередила ее:

— Приемчики у тебя дохлые, но я на них веду. Шэншэн, дорогая, иди выбирай, что понравится — сестричка оплатит.

Ван Шэншэн от этого фальшивого, елейного обращения «Шэншэн» покрылась мурашками. Неуверенно наклонившись к ее уху, она зашептала:

— Ты чего хорохоришься? Пойдем отсюда!

Кто хорохорится? Дух соперничества, взлелеянный за годы тренировок у хозяйки Ли, взмыл до небес: игру проиграть можно, но перед другой женщиной пасовать нельзя.

И тогда она широко взмахнула рукой:

— Заходим, берем!

Мэн Чжии, будучи уверенной, что у обеих нет ни гроша, с видом знатокини вошла следом и нарочно сунула в руки Ван Шэншэн вещь со скидкой:

— По-моему, эта очень симпатичная, тебе безумно пойдет.

— Просила я тебя ей выбирать? — Ли Цзиньвэй выхватила сумочку и швырнула ее обратно в Мэн Чжии. — Иди выбирай из новой коллекции, твой вкус на этом и заканчивается.

Мэн Чжии едва не лишилась линий двойного века от ярости.

Ван Шэншэн выбирала с замиранием сердца: едва схватив сумочку, она тут же косила глазом на ценник. Двадцать три тысячи юаней! Черт, она что, золотом инкрустирована, откуда такая цена? Почему раньше она этого не замечала?

Схватила другую: тридцать тысяч.

Ван Шэншэн: «...»

Честно говоря, даже в период своего расцвета она не позволяла себе такой роскоши — максимум несколько десятков тысяч, ну, край, чуть больше ста, но не больше.

На самом деле старшая мисс Ван была вовсе не такой... транжирой, как казалось со стороны.

Ли Цзиньвэй заметила ее замешательство и решила взять дело в свои руки. Однако, помимо оценки лиц, вкус Ли Цзиньвэй во всем остальном оставлял желать лучшего — до такой степени, что даже консультант не выдержала:

— Модели в этом ряду больше подходят для дам постарше. Выбираете для мамы или кого-то из старших?

Услышав это, Мэн Чжии прикрыла рот рукой и тихонько хихикнула:

— Вы что, не читали последние новости? От их семейки Ван осталась всего одна душа.

Удар в самое сердце. Даже у консультанта на лице застыла улыбка.

А лицо Ван Шэншэн и вовсе резко переменялось. По своей натуре она была девушкой крайне упрямой: раньше она взрывалась по любому поводу из-за семьи Ван, а теперь...

Все так же из-за семьи Ван.

— Повтори-ка еще раз, если смелая.

Но голос принадлежал Ли Цзиньвэй. Ее рост и давление ауры напугали всех присутствующих

так, что никто не смел вздохнуть полной грудью.

Мэн Чжии понимала, что сболтнула лишнего, но разве могла она признать неправоту:

— Я говорю правду, семья Ван и так полностью разорена.

— Я тебя, мать твою, прикончу!

Сорвавшейся с места снова оказалась Ван Шэншэн. Одним движением она содрала с Мэн Чжии половину прически и сережку, тут же повалила ее на пол, оседлала и принялась лупить наотмашь обеими руками.

Мэн Чжии завизжала от боли, вовсю призывая на помощь.

Ван Шэншэн в этот момент потеряла рассудок, действуя по принципу «тысяча врагов ценой собственных ста»:

— Спасите? Кто тебя спасет? Разве ты не любила всем подражать? Тогда советую поучиться у меня: желаю вашему дому Мэн полного и окончательного краха!

Консультант позвала охрану, и те вместе с Ли Цзиньвэй оттащили дерущихся в разные стороны.

Волосы Мэн Чжии растрепались, лицо распухло, как у свиньи, уголок рта кровоточил. Даже после того как ее оттащили, она продолжала всхлипывать, прижимая руки к разодранным в клочья рукавам.

Ван Шэншэн же выглядела иначе: ее платице по-прежнему забавно топорщилось, один из леденцовых зажимов для волос отлетел и застрял в прядях, и за исключением легкого беспорядка в одежде да съехавшего набок воротника, она казалась совершенно невредимой — прямо как победительница-полководец.

А боевой дух у нее что надо, — подумала про себя Ли Цзиньвэй. Старшая мисс Ван смотрелась в драке очень внушительно, главное — победила, и лица не потеряла.

— Я всё расскажу родителям, я еду домой! — сквозь слезы бормотала Мэн Чжии. Но, увидев, что Ван Шэншэн стоит как ни в чем не бывало, она вновь вспылала гневом, вырвалась из рук охраны и снова кинулась в атаку.

Охрана не успела ее перехватить, но рядом была Ли Цзиньвэй. Ее навыки контроля толпы были на высоте: Ван Шэншэн ни капли не пострадала, а вот Мэн Чжии получила еще несколько пинков.

Чем же все закончилось? Мэн Чжии попыталась вызвать подмогу по телефону, но Ван Шэншэн

выхлапила у нее аппарат и швырнула оземь.

— Можешь звать кого угодно, мне терять нечего. Но запомни: голый не боится тех, кто в обуви. Тебе лучше не попадаться мне на глаза после выхода отсюда — иначе буду бить всякий раз, как увижу. Посмотрим, сколько у тебя жизней, чтобы расплачиваться со мной.

Блестяще!

Если бы не публичное место, где не стоило привлекать лишнего внимания, Ли Цзиньвэй непременно захлопала бы в ладоши.

<http://bllate.org/book/22059/2293717>